
К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВЫХ ПРЕЕМСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ: ГЕРОДОТ И ПЛУТАРХ

Г.В. Казанцева

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются преемственные связи между жанрами античной историографии, «Историей» Геродота, и античной биографии, «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха.

Ключевые слова: античная литература, историография, жанр, сравнительные жизнеописания, Геродот, Плутарх.

Проблема жанровой идентичности произведений античности является одной из актуальнейших в современных гуманитарных науках. В греческих и римских руководствах, в частности в «Поэтике» Аристотеля, подчеркивается, что любому жанру присуще установление определенных субстанциональных его признаков, служащих отправной точкой для определения жанровой принадлежности. Однако обособить на практике границы того или иного жанра, сущностная природа которого, по Аристотелю, имеет подражательный характер, не всегда просто.

Так, многообразие и многоаспектность источников «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха позволяли относить эти творения историкам — к историческим сочинениям (1), литературоведам — к художественной литературе (2), что свидетельствует о преемственных, генетических связях между источниками, в жанровой традиции которых органично присутствуют соотношение факта и вымысла.

Также классическим образцом соединения документального и художественного (3) в контексте эпического повествования о жизни исторических лиц является «История» («Музы») греческого ученого и писателя Геродота (484—425 гг. до н.э.). «Свою историческую задачу Геродот видел в том, чтобы не исчезли в памяти людской великие деяния и греков и варваров, свершенные во время великой освободительной войны Греции против персидской монархии, современником которой он был» [2. С. 400].

Известно, что построчный перевод первых строк «Истории» Геродота в подлиннике — *istoriḗw podējiz*, — по мнению большинства исследователей, обозначает «изложение сведений, полученных путем расспросов» (4). Однако в современных русских изданиях замечание автора: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и удивления достойные деяния, как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, и особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [4. С. 2] традиционно выносятся за пределы содержания сочинения и грамматически оформляется в виде сноски.

Очевидно, что под «сведениями» Геродот подразумевал не только беллетризованные факты устной традиции — рассказы современников, народные «досто-

верные» предания (понятие, активно употребляемое в сочинении и Геродота, и Плутарха) и легенды, но и письменные фактографические источники — прежде всего, работы логографа Гекатея Милетского, выступления-тексты ораторов, поэтические и драматические произведения, официальные записи и т. д.

Ключевые понятия «события — деяния — войны», поставленные Геродотом в один семантический ряд и составляющие тем самым внутреннее идейно-тематическое единство в «Истории», подводят к умозаключению, что творческая сверхзадача автора ограничивалась не только рамками исторического экскурса в прошлое, но и предполагала также и освещение жизнеописаний «деятелей», творивших и совершавших эти великие события в эпоху античных войн.

Несомненный интерес в изучении проблемы биографического повествования в «Истории» Геродота представляет труд М. Ланга «Биографические схемы фольклора и мораль в «Истории» Геродота». По мнению исследователя, человеческая жизнь в «Истории» Геродота представлена по схеме «взлет — падение» с такими неизменными ее атрибутами, как благоденствие, превозношение, желание того, чего нет в наличии, неминуемая гибель и т.д. Ученый полагает, что логику изображения жизни исторических личностей «Истории» Геродот перенял в свою очередь у античных авторов греческой поэзии и трагедии (5). Анализ биографического метода, использованного автором в «Истории», демонстрирует, что каноны жанра, ставшие продуктивными впоследствии не только в жизнеописаниях античных писателей Исократ, Аристоксена Тарентского, Плутарха и Светония, но и европейских и русских авторов Нового времени, начали формироваться еще в творчестве Геродота.

Геродот одним из первых в античной литературе преобразовал традиции древнегреческой логографии, органично соединив в «Истории» этнографическое, географическое, историческое и биографическое начала. Композиционно разрозненные, но объединенные идейно-тематической направленностью рассказы — логосы — о том или ином государстве связывает в непрерывное повествование цепь биографических описаний, образующих в совокупности своеобразный цикл жизнеописаний царей и полководцев. Художественное новаторство «Истории» заключается и в том, что авторская интенция, выраженная через центральную идею произведения, скрепляет все его части в единое целое: творцом истории является известная, знаменитая, но не всегда «замечательная» личность.

Соположение античной историографии и биографии показывает, что, несмотря на то, что в основе первой лежит *res gestae* (деяния), второй — *vita* (жизнь), между этими жанровыми разновидностями нет четкой границы, так как описание жизни человека непременно включает в себя изображение не только внешней жизни, его поступков и деяний, но и внутренней — мыслей и чувств.

Заслуга Геродота заключается и в том, что рамками биографического описания жизни царей и политических деятелей он отделяет друг от друга основные события греко-персидской войны, так как, по мнению писателя, судьба истории и народов метафизически зависима от «земных» правителей, действия которых обусловлены и мотивированы не только личными желаниями и побуждениями, но и фатумом.

Очевидно, в этом смысле можно говорить об идейных схождениях историографии с жанрами трагедии и жизнеописания одновременно. Основополагающим принципом древнегреческого эпоса было стремление мыслителей, в том числе Геродота, следовать общепринятым в афинском обществе рациональным принципам правопорядка: любой человек, независимо от своего происхождения и общественного положения, совершивший преступление, в том числе и моральное, должен был понести справедливое наказание.

Так, причину поражения ионийского восстания (499 г.) Геродот видит в эгоистических устремлениях милетских тиранов. Не случайно повествование о разгроме восстания прерывается авторским сообщением о смерти его предводителей Аристагора и Гистиея. Подобный ракурс на ход исторических событий, исход которых зависел как от воли человека, так и рока, полагают исследователи, типичен для Геродота. «Персидскую экспедицию при Дарии обрамляет очерк о Мильтиаде: к ее началу приурочена генеалогия героя марафонской битвы, а ее послесловием служит его смерть. Мотивом Фемистокловой догадливости и Фемистокловой славы открывается и замыкается рассказ о противостоянии эллинов Ксерксу. Рубежами карьеры Мардония — от его женитьбы на дочери Дария до гибели в платейской битве — охвачен весь период от первого вторжения персов в европейскую Грецию до их окончательного изгнания из нее», — указывают Кузнецова и Миллер [5. С. 29].

Повествовательный дискурс, актуальный для Геродота, позволяет предположить, что историю греко-персидской войны писатель изображает через описание жизни центральных персонажей — царей и полководцев — не как случайность, а как закономерность: от воли и деятельности правителей зависела судьба всего народа и государства. Изначальная творческая установка автора на параллельное историографическое и биографическое повествование: «...так как я знаю, что человеческое счастье изменчиво, то буду одинаково упоминать о судьбе тех и других» [4. С. 4] позволяет вплетать в ткань произведения: а) полные биографии центральных героев, от деяний которых зависел успех или неуспех того или иного политического предприятия; б) неполные биографии эпизодических лиц или мифологических героев, чьи поступки и деяния утверждали добродетели или пороки; в) биографии-штрихи (биографии в ремарках), тем или иным образом имеющие отношение к жизнетворчеству центрального персонажа.

Предложенная нами внутривидовая типология жизнеописаний в «Истории» позволяет отнести к *первому виду биографии* царей: 1) лидийского — Креза; персидских — Кира, Камбиса, Гистаспа, Дария, Ксеркса, Артаксеркса; спартанских, как указывает сам автор, «вплоть до Персея» [4. С. 273] — Кисомена, Писистрата, Мильтиада и др.; египетского — Амасиса; царицы Артемисии; 2) биографии военачальников: Персии — Мардония; Коринфа — Адиманта и др.

Биографические описания носят рассредоточенный характер, и жизненный путь героев в большинстве случаев, как и в жизнеописании, подчинен следующей схеме: а) родословная героя; б) первое упоминание-характеристика героя; в) его общественно-политическая деятельность; г) описание его нравственных и моральных качеств через поступки; д) наказание за нарушение добродетелей; е) гибель или смерть.

Полнотой и глубиной изображения характеров исторических личностей отличаются сопоставительные жизнеописания Креза, царя Лидии середины VI в. до н.э., и Кира, правителя Персии («Книга I. Клио»). Если Геродот одним из первых в истории античной прозы начал практиковать метод параллельного изображения героев, то Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» избранные им пары для биографического повествования оформляет как диаду.

Однако биографические пары в «Истории», в отличие от «Сравнительных жизнеописаний», также составляющие внутреннее идейно-тематическое единство в тексте, не персонифицированы и, соответственно, не рубрицированы, как, например, в «Агесилае» Ксенофонта или в «Жизни двенадцати цезарей» Светония.

Тем не менее в соответствии с жанровыми традициями эпизоды локальных историй Геродот сделал «частью рассказа о персидских царях, а биографии этих правителей составной временной последовательностью фактов» [5. С. 27].

Так, жизнеописание лидийского и персидского правителей объединены мыслью автора о том, что каждый из них совершил агрессивные акции против греков. «Крез, первым из варваров покорив часть эллинов, заставил платить... дань; с другими же заключил союзные договоры» [5. С. 4]; а при другом — «Иония вторично потеряла свободу... островные ионяне, устранившись подобной же участи, добровольно подчинились Киру», — указывают исследователи [5. С. 54].

Очевидно, что элементы синкрисиса, типичного для «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, обнаруживаются и в писательской манере Геродота. Сопоставительные пары «Крез — Кир», в свою очередь, позволяют условно разделить первую книгу «Истории» на биографии Креза и Кира. Для логической и семантической связи последующей и предыдущей частей Геродот, как и Плутарх, традиционно использует обобщенно-номинативные предложения. О Крезе он пишет: «После кончины Алиатта царство перешло к его сыну Крезу, которому было тогда 35 лет от роду» [4. С. 10]; о Кире: «Отныне речь у нас пойдет о Кире — кто был этот человек, разрушивший державу Креза, — и том, как персы стали владыками Азии. Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы, желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду» [4. С. 33].

По мнению исследователей, «правда» о жизни, точнее эпизод о гибели Кира, напоминает рассказ Плутарха о гибели Краса в битве с парфянами (6). Сравнительный оттенок образам героев в повествовании Геродота, как и херонейского писателя, придают синтаксические единицы — указательные и ограничительные обороты автора: «вот он кто, вот он что сделал, вот что с ним было, т.е. в форме ответа на вопросы «кто он такой? как это случилось?» [5. С. 23—24].

Используя метод пересечения биографических линий, Геродот не только сопоставляет, но и противопоставляет образы Кира и Креза. В соответствии с художественной этикой времени в одном из них он подчеркивает стремление к добродетели и великодушию, а во втором — внутреннюю готовность раскаяться в содеянном. Дидактическая и моралистическая направленность эпизодов, раскрывающих внутреннее противоборство каждого из них с самим собой и одновременно внешние противоречия друг с другом, способствуют созданию эмоционально-напряженного диалога с читателем: «И вот (так передают лидийцы),

когда Крез заметил раскаяние Кира и увидел напрасные старания всех заглушить пламя костра, он громко воззвал к Аполлону. Крез молил бога: если богу были угодны его [Креза] жертвоприношения, то пусть он придет на помощь и спасет от настоящей беды. Так Крез слезно молил, призывая Аполлона. И вот тотчас средь ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костер. Тогда-то Кир понял, что Крез — человек, любезный богами благочестивый» [4. С. 87—88].

Геродот во всех девяти книгах «Истории» использует зеркальную технику отражения характера одного героя через описание моральных устоев другого. Задаче морализации поступков центральных персонажей подчинено содержание *биографий второго типа*.

Это неполные жизнеописания героев, в которых основное внимание акцентируется на фактах, имеющих только этическую и моральную направленность. Прием выборочного (частичного) соотношения деятельности исторической личности с поступками эпизодического лица способствует формированию представлений о нравственности или безнравственности центрального персонажа.

Именно мотив наказания за преступление в каждой из девяти частей «Истории» становится сквозным в описании жизни центральных персонажей. Так, с первых строк повествования сложившемуся мифологизированному представлению о причине вражды между персами и греками Геродот противопоставляет собственное воззрение: «Что до меня, то я не берусь утверждать, случилось ли это именно так или как-нибудь иначе. Тем не менее, я хочу назвать человека, который, как мне самому известно, положил начало враждебным действиям против эллинов» [4. С. 4]. По мнению автора, этот человек — лидийский царь Крез, которому с течением времени «удалось подчинить все народности по сю сторону реки Галиса» [4. С. 10].

Однако следует заметить, что жизнеописанию царя Креза предшествует объемный пролог — мифологизированный рассказ о родословной героя (композиционная черта, используемая и в античных жизнеописаниях), представленный беллетризованными биографиями двух эпизодических, но имеющих непосредственное отношение к Крезу лиц.

Первая из них — неполная биография Гигеса, телохранителя и доверенного лица Кендавла, волею случая совершившего убийство царя и ставшего впоследствии царем Лидии. В рассказе о злодеяниях Гигеса, о которых «рассказывает также Архилох из Пароса» [4. С. 6], выражаются моралистические тенденции, близкие автору: «Гераклиды получают возмездие в пятом потомке Гигеса. Однако лидийцы и их царь не придали значения этому оракулу, пока он не исполнился» [4. С. 4]. По мнению Геродота, именно династия Креза виновна в начале войны между греками и персами: «Этот Крез, насколько я знаю, первым из варваров покорив часть эллинов, заставил платить себе дань...» [4. С. 4].

Тема мести и обиды, возмездия и справедливости изображена и во второй новеллистической вставке об Арионе, органично наложенной Геродотом на повествование о войне царя Алиатта, отца Креза, с Фрасибулом. Биографические сведения в штрихах о греческом певце, воспитаннике Периандра, «который сообщил Фрасибулу упомянутое изречение оракула» [4. С. 4], акцентируют внимание чи-

тателя на нравственной норме, традиционной для его эпохи — ничего сверх меры. Так биографический экскурс о Гигисе и Арионе Геродот делает отправной точкой для биографической линии лидийского царя Креза и логически пересекает с изображением жизни персидского царя Кира, разгромившего войско Креза и покорившего Лидию.

Рамки жизнеописаний центральных персонажей раздвигаются также благодаря сухим и кратким биографическим справкам о периферийных персонажах. Так, рассказ о походе Креза, искавшего по совету оракулов союзников против Кира, предваряется небольшими биографиями-упоминаниями об афинском правителе Писистрате и спартанском царе Ликурге. Известно, что воображаемую модель биографии Ликурга в стилистической манере Геродота представили также Ксенофонт и Эфор. Однако самая полная его беллетризованная биография создана Плутархом, подводящая своеобразный итог литературной традиции о Ликурге, также основанной на мифологических источниках, о чем автор упоминает в предисловии.

Крез в изображении Геродота постоянно ощущает двойственность своей натуры и часто оказывается перед нравственным выбором. Дисгармоническое состояние своего героя автор передает через сопоставительные биографические эпизоды о Писистрате, который «стал тираном в Афинах» [4. С. 21], и Ликурге, при царствовании которого «лакедомоняне переменили свои дурные законы на хорошие» [4. С. 22]. Мир героя раздроблен и рассеян, и, возможно, поэтому обласканный судьбой вначале своего политического поприща Крез к концу жизни ставший не в меру высокомерным и безрассудным, терпит не только общественное, но и личное поражение.

Таким образом, интерпретация греко-персидских событий сквозь призму личной и общественной жизни придает образу исторических лиц, основанному как на фактографическом, так и беллетризованном материале, яркость и выпуклость характеров. Новизна труда Геродота как писателя заключается и в том, что именно он впервые использовал метод сопоставительного изображения жизни царей и полководцев. Парные портреты-биографии героев, воссозданные автором в ходе эпического повествования о греко-персидской войне, придают фрагментам «Истории» каждой из девяти книг идейно-тематическое единство.

Не случайно уже в античности такие мыслители, как Дионисий Галикарнасский и Псевдо-Лонгин, находили в «Истории» больше авторского вымысла, нежели исторической правды, что позволяло им рассматривать труд Геродота как литературный, а не исторический памятник. По нашему мнению, именно Геродот практически реализовал литературно-исторические принципы внешней и внутренней организации жизнеописания, ставшие традиционными для сформировавшегося впоследствии жанра художественной биографии: родословную героя, изображение поступков человека как проявления его личных свойств, описание смерти героя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Штифтар В.* Плутарх как историк // *Гермес.* — 1910. — № 11; *Соболевский С.И.* Позднейшие историки // *История греческой литературы* / Под ред. С.И. Соболевского,

- М.Е. Грабарь-Пасек, Ф.А. Петровского. Т. II: История, философия, ораторское искусство классического периода. — М., 1995; *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский: к проблеме кризиса полиса. — М., 1993.
- (2) См.: *Гаспаров М.Л.* Примечания // Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Изд. подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркин. Изд. 2-ое, испр. и доп. Т. II. — М., 1994; *Лосев А.* Плутарх: очерк жизни и творчества // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. — М.: Рипол Классик, 1996; *Лурье С.Я.* Плутарх и его время // Плутарх. Избранное: В 2 т. Т. 1. — М.: Terra, 1996.
- (3) См.: *Лурье С.Я.* Геродот. — М., Л., 1947; *Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.
- (4) См.: *Немировский А.И.* У истоков исторической мысли. — Воронеж, 1979. — С. 36—40; *Krischer T.* Herodots Prooimion. — Hermes, 1965. — Bd. 93, Hft. 2. — S. 159—167.
- (5) См.: *Lang M.* Biographical patterns of folklore and morality in Herodots History. — Michigan, 1994.
- (6) См.: *Тураев Б.А.* История древнего Востока. — Л., 1954. — С. 118.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. — М.: Наука, 1973.
- [2] Античная литература / Под ред. Л.Д. Тарасова. — М.: Советский писатель, 1939.
- [3] *Винокур Г.О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. — М.: Русские словари, 1997.
- [4] *Геродот.* История. — М.: Олма-Пресс Инвест, 2004.
- [5] *Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. — М.: Наука, 1984.
- [6] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. Изречения. — М.: НФ «Пушкинская библиотека», 2004.

TO THE ISSUE OF GENRE SUCCESSING CONNECTIONS: HERODOT AND PLUTARCH

G.V. Kazantseva

Department of World Literature
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with genre successing connections between the genres of ancient historiography, «History» written by Herodotus, and ancient biography, «Comparative Life History» written by Plutarch.

Key words: historiography, Plutarch, Herodotus, successing connections.